

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА

УДК 168

АВТОРИТЕТ: ПРИЗНАНИЕ И КОНКУРЕНЦИЯ В НАУКЕ

А.А. Шестаков, Р.О. Исаев, Ю.А. Зиновьева

ФГАОУ ВО «Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С.П. Королёва (национальный исследовательский университет)», г. Самара

Предметом изучения в статье выступают властные отношения, возникающие в процессе научной деятельности и описываемые, в частности, категорией «авторитет». Опираясь на исторический анализ, авторы рассматривают отношения между составными элементами научного авторитета и региональной дифференцированностью науки. Особое внимание уделяется оценке эвристического потенциала современного методологического инструментария изучения науки.

***Ключевые слова:** авторитет, научные сообщества, признание, конкуренция.*

Одним из базовых свойств общественных систем выступает их управляемость, включённость в систему властного взаимодействия. Изучение авторитета как проявления такого типа общественных взаимодействий ведётся в рамках целого ряда социально-гуманитарных дисциплин: социологии, психологии, философии науки и т. п. Авторитет в этой связи квалифицируется и как набор свойств личности, и как особый вид общественных отношений, и как признанное (отдельным лицом или социальной группой) влияние. Стоит подчеркнуть, что наука как особая институциональная структура представлена множеством профессиональных коллективов, или, как их ещё называют, – «научных сообществ». Естественно, что внутри этих когнитивных образований функционируют соответствующие нормы, принципы и традиции, задающие специфическую структуру духовного производства. Управление такого рода когнитивными образованиями, производящими знания, осуществляется на базе сочетания государственного регулирования с механизмами самоуправления. Понятно, что оба названных управленческих уровня нуждаются в лидерах, способных осуществлять динамичное и эффективное руководство. Представляется ясным, что авторитет приобретается только в процессе значимой для данного коллектива деятельности, причем такого рода активность необязательно должна быть совместной. Авторитетом наделяется лишь тот, в ком наиболее полно представлены в особой степени необходимые именно для данной деятельностной сферы качества. Соответственно, вся названная когнитивная институция формируется не только благодаря каким-либо личностным качествам, особенностям внутреннего мира или поведения его носителя, но и обусловлена представлениями

ми об авторитете и его конкретном носителе во внутреннем психологическом мире других людей, на которых эти отношения распространяются. Иными словами, успешность того или иного лидера определяют не его личностные качества, так сказать, сами по себе, а то, насколько эти качества отвечают требованиям коллектива, с которым он взаимодействует. Изучение когнитивного статуса авторитета в функционировании как целых профессиональных сообществ, так и отдельных научных коллективов представляет несомненный интерес, позволяя, в частности, совершенствовать управленческие взаимодействия внутри корпуса науки. В контексте вышеизложенного изучение данной темы представляет особую актуальность.

Несмотря на то, что в современной философии науки относительно невелико количество исследований, специально посвящённых изучению названного выше когнитивного института, все же целый ряд концептуальных вопросов, связанных с данной проблемой, получил осмысление в историко-философской традиции. Будет достаточным указать хотя бы на возникновение научных школ в Древней Греции, сформированных под влиянием статусных представителей исследовательской мысли того исторического периода, их высокого уровня профессиональных знаний, умений и навыков. Поскольку научная мысль Средневековья находилась в полном подчинении религии и христианских догматов (впрочем, как и иные формы общественного сознания – искусство, мораль и политика того времени), это дает основания утверждать, что беспрекословным авторитетом миропонимания в то время выступала религия в целом и наделённые непререкаемыми регалиями её представители. Что же касается мыслителей эпохи Нового времени, то они односторонне интерпретировали авторитет лишь как ограничение, связанное со слепым повиновением, противоречащим разуму и свободе. Латинское изречение «*Sapere aude!*» – «имей мужество пользоваться своим собственным рассудком» – Иммануил Кант провозгласил девизом той исторической эпохи [1, с. 27]. Один из авторитетных представителей новоевропейской философии, Френсис Бэкон, описывая типичные ошибки мышления, возникающие при решении научных задач, рассматривал авторитет в рамках концепции «идолов» разума. Здесь мыслитель утверждает, что приверженность традиционным доктринам приводят людей к заблуждениям. В соответствии с его классификацией «авторитет» относится к «идолам театра», искажающим восприятие мира человеком [2]. Необходимость критического отношения к рассматриваемому феномену признавал и К. Поппер, согласно представлениям которого чрезмерное упование на чьи-либо авторитетные позиции и их некритическая рецепция приводит к авторитаризму в науке и её общей стагнации [3]. Ориентируясь на объективность в своём рассмотрении, все же следует признать, что в XX в. доминантное положение в изучении обозначенной выше проблемы заняла реабилитирующая позиция. В этой

связи можно сослаться на рассуждения Х.-Г. Гадамера. Согласно его представлениям, феномен авторитета подразумевает осознание того непреложного обстоятельства, что его носитель превосходит нас умом. Это может означать, что суждения обладают большей основательностью, чем наши собственные. Под «признанием» подразумевается действие самого разума, который, осознавая собственные границы, признает других более сведущими. Система властного взаимодействия в науке, стало быть, не имеет ничего общего со слепым подчинением и связана прежде всего с познанием [4, с. 331]. В контексте изучения авторитета нельзя не упомянуть и предложенную Томасом Куном концепцию развития знания, базировавшуюся, по сути, на передаче авторитета от одной парадигмы к другой [5]. Исходя из вышесказанного, можно заключить, что наука вне авторитетов не функционирует.

В контексте тематизации этого вопроса необходимо отметить, что субъекты научного авторитета весьма многообразны и имеют различную природу. На это указал ещё Стивен Тулмин, уделивший большое внимание установлению различий между интеллектуальным авторитетом, имманентно присущим утвердившейся концептуальной схеме, и повелительным, или институциональным, авторитетом, которым пользуется господствующий индивид или научная школа [6, с. 122]. Понятно, что взаимосвязь названных форм осуществляется через личность учёного, поскольку последний является носителем как собственно эпистемического авторитета (т. е. авторитета знаний, навыков, умений и опыта), так и (или) деонтического (по сути, авторитета, основанного на пребывании в должности) [7, с. 67]. Подобное конфликтное взаимодействие, возникающее между названными типами властных отношений, уже давно изучено в литературе [8].

Нет нужды специально акцентировать тезис, что современная наука – среда остроконкурентная, в основании которой лежит большая совокупность взаимодействующих научных коллективов, организаций и учреждений различного уровня, интересы которых нередко не только не совпадают, но даже противоречат друг другу. Авторитет подобных интеллектуальных структур формируется во многом благодаря высококвалифицированному кадровому составу: исследователям, аналитикам, инженерам, научным сотрудникам и т. д. Осуществленная ими работа, признанная научно значимой, обеспечивает приток одарённых абитуриентов в данную среду и возможность получения дополнительной финансовой поддержки как от фондов и благотворительных организаций, так и непосредственно от государства. Нобелевским лауреатом по экономике Фридрихом фон Хайеком конкуренция была квалифицирована как «процедура открытия» [9]. Представляется несомненным, что данное явление – мощный фактор интеллектуального прогресса общества. Анализируя развитие современной науки, нельзя не заметить, что исследователи отдают предпочтение изучению достаточно узких сегмен-

тов отдельных научных дисциплин, в то время как, к примеру, философы Древней Греции занимались всеми отраслями знаний. Вместе с тем учёные не могут одинаково глубоко разбираться во всех областях научного знания, что вызывает необходимость обращаться к научному авторитету в какой-либо его отдельной отрасли. Данная тенденция в то же время имеет и противоположную сторону – речь идет о рассеивании авторитета, и, стало быть, сокращении масштабов его влияния.

Исходя из того, что любой полученный в науке результат нуждается в оценке и анализе, публикация является наиболее приемлемым средством, позволяющим сделать информацию доступной для широкой аудитории. Именно это обстоятельство – первый шаг на пути к признанию. В силу институциональной специфики интеллектуальной деятельности квалифицированная оценка новых знаний доступна лишь членам научного сообщества. Добиться профессионального признания учёные могут лишь со стороны своих коллег по научному цеху, и ссылка на их труды выступает в этой связи одной из форм подобного признания. Таким образом, учёный, ссылаясь на труды коллеги, подтверждает тем самым качество его исследования, признавая значимость его работ для собственного научного творчества. Система научных коммуникаций, таким образом, выступает своего рода базой для соответствующего вознаграждения и определения статуса внутри института науки. Как правило, для того, чтобы поделиться результатами собственных исследований, учёные публикуются в специализированных журналах или тематических сборниках. Точная датировка публикаций особенно важна для учёного в контексте возможной одновременности открытий, что может быть причиной возникновения споров о приоритете в решении той или иной научной проблемы. Среди всем известных примеров – открытие комбинационного рассеяния света физиками Г.С. Ландсбергом, Л.И. Мандельштамом в Москве и Ч.В. Раманом и К.С. Кришнаном в Индии в 1928 г., впоследствии получившее название «эффект Рамана»; открытие закона об обратной зависимости между объемом и давлением газа в 1660 г. в Англии Р. Бойлем и во Франции в 1676 г. Э. Мариоттом; обнаружение планеты Нептун при помощи математических методов англичанином Д.К. Адамсом и французом У. Леверье в 1846 году и т. д.

Обсуждая тему публикаций, нельзя не упомянуть феномен неравномерного распределения преимуществ, названный Робертом Мёртоном «эффектом Матфея». Смысл этого метафорического термина заключается в том, что учёные готовы преувеличивать достижения собственных коллег, пользующихся признанием благодаря прежним заслугам, а достижения учёных, еще не получивших должной известности, они, как правило, преуменьшают или не признают вовсе [10, с. 258]. В своей концептуальной статье «Эффект Матфея в науке» названный учёный выделил три критерия, с помощью которых можно убедиться, насколько неравномерно распределяются преимущества в научной сре-

де: а) общее количество научных публикаций; б) соотношение между количеством учёных и количеством научных публикаций в рамках одного научного направления; в) уровень цитируемости научных работ. Обсуждая данные критерии, автор говорит о значении авторитета в научном мире и о влиянии последнего на вышеуказанные критерии. Подчеркнем: авторитет отдельного научного исследования напрямую зависит от уровня цитирования научных трудов учёного, что, в свою очередь, непосредственно связано с авторитетом самого учёного и его статусом в научном мире. Формирование этого статуса дело рук не только самого учёного, но и начинающих исследователей, которые с воодушевлением цитируют известных деятелей науки, закрепляя тем самым их статус и не позволяя выйти на научную авансцену более скромным учёным. В итоге учёный, уже сделавший себе имя в науке, способен гораздо проще легитимировать новые идеи, нежели новичок. Как же выйти из этого положения? Одним из наиболее простых решений является соавторство. Соответственно, на первых этапах своей научной карьеры молодым специалистам желательно публиковаться совместно с людьми, которые уже обладают научным авторитетом. Кроме того, научные публикации нередко имеют несколько авторов, вклад которых в работу может быть неодинаковым. Если творческий вклад одного из авторов не подлежит однозначной квалификации, то получается, что его научный авторитет возникает и развивается за счет достижений другого и, по сути, является ложным.

Еще одним важным моментом является «значимость» трудов учёного и степень их использования его коллегами. Последняя определяется на сегодняшний день целым рядом наукометрических показателей, которые стали доступны благодаря развитию электронных библиографических баз данных. Отметим, что такие инструменты оценки научной деятельности уже давно пользуются популярностью за рубежом, но и в России есть аналог подобных систем, который с каждым годом всё больше внедряется в сферу науки и оказывает влияние на принятие кадровых решений, получение тех или иных квалификационных категорий, распределение грантов и стипендий. Вообще, активное использование наукометрических показателей породило большие споры относительно их применения в социологических исследованиях, а также подтолкнуло к размышлениям о самом феномене цитирования и его функциях в науке. Эффективность этих критериев по-прежнему находится в центре непрекращающихся дискуссий, получая весьма неоднозначные оценки в научном сообществе. Ряд исследователей считают, что давать всестороннюю объективную оценку результатам научных исследований необходимо путём тщательной профессиональной экспертизы и публичного обсуждения и учёт наукометрических показателей в этой связи должен иметь лишь вспомогательный характер [12].

Необходимо остановиться ещё на одной критерии, который Р. Мертон обсуждает в самых общих чертах. Речь идет о критерии регионального/странового самоопределения учёного. Суть дела в том, что исследователь в какой бы то ни было отрасли науки представляет не только себя лично, но и научное сообщество соответствующего региона, разделяющее специфические нормы и правила мышления, имеющее определённый уровень авторитета, в конкретной отрасли знания. Стоит подчеркнуть, что в данном конкретном случае мы рассматриваем страну в контексте региона, а не наоборот. И это принципиально важно, поскольку термином «регион» можно обозначить как совокупность стран, объединённых общими признаками, так и административные единицы внутри какой-либо отдельной страны (в частности, региональное деление, характерное, скажем, для современной России). В качестве иллюстрации ограничимся несколькими примерами: представляется ясным, что люди в большей степени будут доверять германскому специалисту в области машиностроения, чем, скажем, корейскому; то же самое можно сказать и об авторе научной статьи о проблемах онкологии из Израиля, чем сходной по тематике статьи за авторством специалиста из Чили; разработчику IT технологий из Японии, чем специалисту этого же профиля, предположим, из Мексики. Подобных примеров можно привести великое множество. Все они свидетельствуют, с одной стороны, о субъективности восприятия научных достижений (не следует преуменьшать возможности других стран), а с другой – о тех объективных образам складывающихся статусах, которые закрепились за регионами в сфере научной деятельности.

Напрашивается естественный вопрос – все ли регионы и страны имеют авторитет в научном сообществе? Для ответа на него нужно напомнить, что наука – это особый вид человеческой жизнедеятельности. Можно утверждать, что научная деятельность находится на самой вершине пирамиды человеческих потребностей. Согласно этой модели, чтобы достигнуть вершины, сначала необходимо удовлетворить первичные потребности (физиологические, например, потребность в защите и пр.). Поскольку любой человек является гражданином страны, в которой он родился, то, естественно, ответственность за реализацию части его потребностей несёт и страна происхождения. Ясно, что не все страны могут похвастаться высоким уровнем жизни и развитостью экономического потенциала. Кажется очевидным, что уровень развития науки напрямую должен быть связан с благополучием страны или ее отдельного региона, что порождает известную проблему «центр – периферия». С одной стороны, имеются признанные научные центры, где сконцентрирована элита учёных кадров, а с другой – с такой же естественностью существует и периферия научного мира, которая не может конкурировать с центром по причине своей недостаточной развитости. Ситуация усугубляется процессом миграции учёных из «периферии» в «центры», обусловленным следующими объективными факторами: 1)

потребностью учёного работать на более продвинутых научных площадках; 2) стремлением получить новые знания от компетентных коллег, которые чаще всего задействованы в «центрах»; 3) заинтересованностью в получении денежных субсидий для исследования и т. д.; 4) ориентацией на топовые позиции в мировом научном рейтинге. Данный процесс стал предметом осмысления Эрнста-Георга Равенштейна, который проанализировал движущие силы миграционного перемещения [11]. Согласно взглядам этого исследователя, существуют два взаимодействующих фактора – «сила притягивания» (совокупность факторов, создающих среду для иммиграции) и «сила отталкивания» (совокупность факторов, которые создают критическую массу для эмиграции). Если мы допускаем, что обозначенные выше силы действительно существуют, то вынуждены констатировать, что процесс ассимиляции учёного неизбежен. В рамках рассматриваемой темы это означает следующее: учёный будет преумножать совокупный капитал страны, в которую он приехал, и преуменьшать совокупный капитал страны, которую он покинул.

Итак, авторитет в науке – это многоаспектный социокультурный и когнитивный феномен, который нельзя оценить однозначно. Сущность этой институции представляет собою, в известной степени, абстракцию, знания о которой выводятся на основании обобщения информации о реально функционирующих в той или иной общественной сфере авторитетах [13, с. 49]. Соответственно, чтобы дать оценку тому или иному функционирующему в сфере науки авторитету и выяснить его роль в сфере духовного производства, необходимо изучить конкретные конфигурации властных взаимоотношений в этой области.

Список литературы

1. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 25–36.
2. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 1. С. 103–116.
3. Поппер К. Логика научного знания. М.: Прогресс, 1983. 604 с.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
5. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс. 1977. 300 с.
6. Тулмин С. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984. 326 с.
7. Ефремов И.И. Проблема авторитета в социальной философии // Философия и общество. 2004. № 3. С. 60–70.

8. Dalton M. Conflicts between staff and line managerial officers // *American Sociological Review*. 1950. № 15. P. 342–351.
9. Хайек Ф.А. Конкуренция как процедура открытия // *Мировая экономика и международные отношения*. 1989. № 12. С. 6–14.
10. Мертон Р.К. Эффект Матфея в науке, II. Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // *Теория и история экономических и социальных институтов и систем*. 1993. № 3. С. 256–276.
11. Ravenstein E.G. The Laws of Migration // *Journal of the Statistical Society of London*. 1885. V.48. № 2. P. 167–235.
12. Орлов А.И. Наукометрия и управление научной деятельностью // *Управление большими системами*. 2013. № 44. С. 538–568.
13. Ефремов И.И. Функции и роль авторитета как феномена социальной жизни // *Философия и общество*. 2005. № 1. С. 38–49.

AUTHORITY: RECOGNITION AND COMPETITION IN SCIENCE

A.A. Shestakov, R.O. Isaev, Yu.A. Zinovyeva

Samara State Aerospace University named after academician S.P.Korolyov, Samara

The power relations appearing in process of scientific activity and described, in particular, by the «authority» category are studied in the article. On the basis of historical analysis, the relations between the components of scientific authority the and regional differentiation of science are examined. Special attention is paid to the assessment of heuristic potential of contemporary methodological tools for the study of science.

Keywords: *authority, scientific communities, recognition, competition.*

Об авторах:

ШЕСТАКОВ Александр Алексеевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии науки ФГАОУ ВО «Самарский государственный аэрокосмический университет им. Академика С.П. Королёва (национальный исследовательский университет)», г. Самара. E-mail: ShestakovAlex@yandex.ru

ИСАЕВ Роман Олегович – аспирант кафедры истории и философии науки ФГАОУ ВО «Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С.П. Королёва (национальный исследовательский университет)», г. Самара. E-mail: romanceisaev@gmail.com

ЗИНОВЬЕВА Юлия Александровна – студентка исторического факультета ФГАОУ ВО «Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С.П. Королёва (национальный исследова-

тельский университет)», г. Самара. E-mail: yuliazinovyeva63@gmail.com

About authors:

SHESTAKOV Alexander Alekseevich – Ph.D., Professor, Chair of the Dept. of history and philosophy of science, Samara State Aerospace University named after academician S.P.Korolyov, Samara. E-mail: ShestakovAlex@yandex.ru

ISAEV Roman Olegovich – Ph.D. student of the Dept. of history and philosophy of science, Samara State Aerospace University named after academician S.P.Korolyov, Samara. E-mail: romanceisaev@gmail.com

ZINOVYEVA Yulia Aleksandrovna – student of the Dept. of history, Samara State Aerospace University named after academician S.P.Korolyov, Samara. E-mail: yuliazinovyeva63@gmail.com